

- ¹⁶ Ramsay W. M. Op. cit. P. 33.
- ¹⁷ Summers G. D. The Identification of the Iron Age City on Kerkenes Dag in Central Anatolia // JNES. 1997. Vol. 56, № 2. P. 81–94.
- ¹⁸ Schmidt E. F. Test Excavations in the City on Kerkenes Dag // American Journal of Semitic Languages and Literatures. 1929. Vol. 45. P. 83–92.
- ¹⁹ Материалы исследования находятся в свободном доступе на официальном сайте проекта: <http://www.kerkenes.metu.edu.tr/> (дата обращения: 08.12.2015).
- ²⁰ Summers G. D. Op. cit. P. 81–94.
- ²¹ Draycott K. M., Summers G. D. Kerkenes Special Studies 1 : Sculpture and Inscriptions from the Monumental Entrance to the Palatial Complex at Kerkenes Dag, Turkey. Chicago, 2008. P. 4.
- ²² Rollinger R. Kerkenes Dag and the Median «empire» / eds. G. B. Lanfranchi, M. Roaf, R. Rollinger. Continuity of Empire (?) Assyria, Media, Persia. Padova, 2003. P. 321–326.
- ²³ Rollinger R. Op. cit. P. 322–323, 326.
- ²⁴ Tuplin C. Op. cit. P. 241–242.
- ²⁵ Дандамаев М. А., Медведская И. Н. История Мидии в новейшей западной литературе // ВДИ. 2006. № 1. С. 205.
- ²⁶ Summers G. D., Summers F. The Kerkenes Project. A Preliminary Report on the 2003 Season. P. 6. URL: <http://www.kerkenes.metu.edu.tr/kerk2/17downloads/reportPdf/03rependjjet.pdf> (дата обращения: 08.12.2015).
- ²⁷ Summers G. D., Summers F. Op. cit. P. 11–12; Summers G. D., Summers F., Branting S. The Kerkenes Project. A Preliminary Report on the 2004 Season. P. 39–40. URL: <http://www.kerkenes.metu.edu.tr/kerk2/17downloads/reportPdf/04rependjjet.pdf> (дата обращения: 08.12.2015).
- ²⁸ Summers G. D., Summers F. The Kerkenes Project... on the 2003 Season. P. 7.
- ²⁹ Ibid.
- ³⁰ Rollinger R. Op. cit. P. 322.
- ³¹ How W. W., Wells J. Op. cit. P. 94–95. Powell J. E. Lexicon to Herodotus. Cambridge, 1938. s.v. κατά. URL: <http://stephanus.tlg.uci.edu/powell/#eid=4250&context=lsj&action=from-search> (дата обращения: 08.12.2015); Tuplin C. Op. cit. P. 247.
- ³² Следует отметить, что само название – Птерия – может иметь греческое происхождение. Возможно, оно происходит от слова πτερόν – перо, крыло: Johnson P. A. Op. cit. P. 4. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с греческим названием города или же с передачей на греческом языке какого-то малопонятного им местного топонима.
- ³³ Максимова М. И. Указ. соч. С. 103.
- ³⁴ Единственный возможный вариант – если такой крупный город принадлежал какой-либо иностранной державе, например, той же самой Мидии. В таком случае был бы понятен текст Гелланика, который употребляет в какой-то непонятной нам связи Птерию и, вероятно, Каруссу – город Южного Причерноморья. Однако этот текст слишком фрагментирован, чтобы строить на его основе выводы. Количество букв в строке неизвестно, и мы не знаем, имеется ли в тексте смысловая связь между Птерией и Каруссой, и если имеется, то какая. Поэтому в данных условиях мы воздержимся от построения решающих выводов на базе этого источника. К тому же наши данные о северных пределах мидийских владений к востоку от Галиса очень неопределенны. В целом же предполагается, что владения Мидии ограничивались Центральной Каппадокией и не затрагивали более северные области, см.: Медведская И. Н. Мидия // БРЭ. М., 2012. Т. 20. С. 229.

УДК 94(37).05

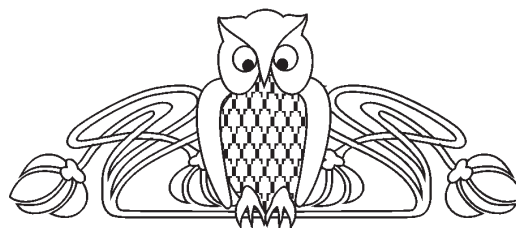
МАРТОВСКИЕ ИДЫ 44 Г. ДО Н.Э.: ИДЕОЛОГИЯ ЗАГОВОРЩИКОВ

С. Н. Ахиев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: responsum@list.ru

В статье исследуется вопрос о направлениях пропаганды противников Гая Юлия Цезаря. Автор приходит к выводу, что сенатской оппозиции, лишенной возможности реально направлять политику Рима, удалось объединиться и выдвинуть политический лозунг восстановления государственного строя, освященного обычаями предков. Однако пропаганда заговорщиков затронула только верхние слои общества и оказалась бессильной повредить имидж Цезаря в общественном мнении.

Ключевые слова: политическая пропаганда, гражданская война, Римская республика, Юлий Цезарь, общественное мнение.

The Ides of March of 44 B.C.: the Ideology of the Conspirators

S. N. Akhiev

The article explores the question concerning the directions of propaganda chosen by Gaius Julius Caesar's opponents. The author concludes that the Senate opposition, deprived of the real possibility to guide the policy of Rome, managed to unite and to declare the political slogan of the restoration of the political system, hallowed by their

ancestors. However, the promotion of the conspirators has affected only the upper strata of society, and was powerless to damage the image of Caesar in the public opinion.

Key words: political propaganda, Civil War, Roman Republic, Julius Caesar, public opinion.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-165-170

Возвращение Цезаря в Рим в 45 г. до н. э. и получение им чрезвычайных полномочий и огромных почестей (пожизненная диктатура, священная неприкосновенность, статуя в храме Квирина и т. п.) шли вразрез с освященными традициями обычаями римлян. Полномочия Цезаря не могли не вызвать озлобления сенатского нобилитета, ограниченного в своем всевластии. Недовольство таким положением дел привело к появлению политической оппозиции в сенате, главным лозунгом которой стало требование «восстановление республики» в их понимании¹. Неслучайно Марк Антоний позднее обвинял заговорщиков, что несмотря на громкие слова, они преследовали исключительно личные цели.

Появление открытой оппозиции сопровождалось ростом политической активности в Риме в 45–44 гг. до н. э. и связанной с этим идеологической конфронтацией между сторонниками и противниками нового режима.

Воодушевленный надеждами и полный энтузиазма Цицерон в речи за Марцелла (сентябрь 46 г. до н. э.) призвал Цезаря окончательно «потушить пожар гражданской войны» и «привести в порядок (устроить) республику» (*ut rem publicam constituas – Cic. Pro Marc. IX. 27*). «Восстановление республики», «устройство государства» – это были традиционные лозунги пропаганды политических деятелей последних лет существования Республики в Риме. Достаточно вспомнить формулировку закона Тития от 27 ноября 43 г. до н. э. об образовании второго триумvirата – *tresviri rei publicae constituendae*².

Лозунг устройства республики (государства) в политической терминологии периода гражданских войн означал установление порядка после неурядиц и смут. Именно поэтому, как отметил еще Дж. Дикинсон, он активно использовался не только республиканцами, но и цезарианцами³. Однако они понимали его по-разному. Я. Ю. Межеричкий справедливо указал, что самому Цицерону, известному идеологу сенатской республики, вряд ли могла прийти в голову мысль о Цезаре как «восстановителе республики». Скорее, она была заимствована из идеологического арсенала приверженцев Цезаря. В свою очередь, оппоненты Цезаря (и среди них во всех остальных случаях, кроме речи «За Марцелла», – Цицерон) изображали его не иначе, как губителем «республики»⁴. Действительно, уже после битвы при Тапсе в 46 г. до н. э. Цицерон пишет об «утрате свободы в государстве» как о свершившемся факте (*Cic. Ad fam. IX. 20.3. Ср.: Ad fam. IX. 17.1*).

В современной исторической литературе утвердилось представление, что античное понятие *respublica* не означало какой-то определенной формы государственного устройства⁵. Однако подобный подход вызвал критику Г. С. Кнабе, который отметил, что контекст источников поздне-республиканского периода исключает возможность принять понятие «республика» в староримском смысле (как совокупность народных и государственных интересов)⁶. Не вдаваясь в дискуссию, следует все же отметить тот факт, что республиканцы, выдвигая лозунг восстановления Республики, прежде всего имели в виду возврат к прежней форме правления. Главной целью их борьбы было восстановление прежней сенатской республики, управляемой несколькими десятками наиболее знатных родов на основе равенства граждан перед законом, с учетом их социального статуса и преимуществ над негражданским населением провинций. В свою очередь, цезарианцы, выдвинув этот лозунг, имели в виду именно урегулирование общественных отношений. Согласно их пропаганде дела в государстве были упорядочены еще Цезарем, покончившим с братоубийственными войнами в интересах всех сословий. Только амбиции части сенаторов, недовольных ограничением их власти, привели Рим к возобновлению усобиц. Выдвинув лозунг восстановления республики, цезарианцы рассматривали его в качестве требования покончить с гражданской войной и устранить вызвавшие ее причины. Речь не шла о восстановлении прежней формы правления. Подразумевалось политическое и социальное урегулирование на основе возрождения традиционных жизненных ценностей.

Представление о взглядах заговорщиков дают их публичные высказывания на этот счет уже после убийства диктатора⁷. Особенно четко это прослеживается у Цицерона.

Известно, что Цицерон не был посвящен в планы заговорщиков⁸, но идеи, которые он отстаивал в «Катоне», в своих письмах Аттику (*Ad Att. XII.45.3, XIII. 40.1*), были им близки. По словам Кассия Диона, убийцы Цезаря вышли из курии с именем Цицерона на устах⁹. Сам Цицерон совершенно однозначно причислял себя к убийцам, выражая полную солидарность с их действиями¹⁰. В трактате «Об обязанностях» Цицерон формулирует мысль о гибели республики: «когда господствовал один человек... республики вообще не существовало... мы утратили ее совершенно» – *res publica nullo esset omnino*¹¹.

Именно эта идея о гибели республики стала центральным лозунгом политической пропаганды оппозиции Цезарю в 45–44 гг. до н. э. Поэтому главной целью заговорщиков было максимально подорвать репутацию Цезаря, убедить общественность, что он является не восстановителем порядка и спокойствия, но только узурпатором и тираном. И только склонив общественное мнение на свою сторону, убить диктатора. Другими словами, заговорщикам было необходимо обосновать убийство.

Источники приводят многочисленные примеры, свидетельствующие о направлении политической пропаганды врагов Цезаря. Пользуясь его великодушием, милосердием (хотя, как нами уже отмечалось, в его основе лежал точный расчет и желание добиться примирения со знатью¹²), оппозиционеры не упускали случая, чтобы нанести удар по репутации диктатора. В ход шли различные средства: от слухов до политических памфлетов. Первоначально упор делался на стремление опорочить лично Цезаря, его внешность и поведение. Насмехались над его лысиной, открыто распускали сплетни об интимной связи Цезаря с царем Вифинии Никомедом, о его любовных похождениях с женщинами¹³. Светоний говорит о широком распространении стишков, песенок, эпиграмм, памфлетов, порочащих Цезаря¹⁴.

Все это, безусловно, задевало Цезаря. Он пытался противодействовать сплетням, издал несколько эдиктов, произнес несколько речей (Suet. Jul. 55.3, 75.5). Однако, по мнению современных психологов, доказать невиновность в таких случаях очень трудно, а порой просто невозможно¹⁵. Можно предполагать, что имидж Цезаря страдал от таких нападков, косвенным подтверждением чему служит огромное число дошедших до нас насмешек над Цезарем.

После возвращения Цезаря из Испании в 45 г. до н. э. он был удостоен чрезвычайных почестей и обременен экстраординарными полномочиями. Плутарх оставил очень интересное замечание, что враги Юлия Цезаря (и в их числе – Цицерон), не меньше простых льстецов наперебой предлагали ему все новые и необычные почести, чтобы «было как можно больше предлогов к недовольству и чтобы их обвинения казались вполне обоснованными» (Plut. Caes. 57). Эта же мысль проводится Николаем Дамаским: чрезмерные почести предоставлялись со злым умыслом, заключавшемся в том, что в народе распространялись слухи об этом с целью «вызвать зависть и подозрительность к Цезарю» (Nic. Dam. 20. 67). В этой информации есть свой резон. Пропаганда противников диктатора стала приобретать отчетливо выраженный политический характер.

Как отметил Ц. Явец, кроме титулов Цезаря¹⁶, в его деятельности не было ничего, что считалось бы незаконным с точки зрения юриспруденции¹⁷. Поэтому пропаганда была сосредоточена на событиях, которые могли бы показаться отклонением от старых республиканских традиций. Заговорщики видели в Цезаре тирана; его дела и речи легко позволили им сосредоточить пропаганду на одном пункте, а именно он хотел стать царем.

В историографии существуют различные точки зрения о желании Цезаря короноваться, и этот вопрос остается до сих пор дискуссионным. В стремлении стать царем обвиняли многих политических деятелей эпохи гражданских войн. Как подчеркнул еще Р. Сайм, это обвинение стало обыденным в риторике тех лет¹⁸. Но тенденциозное

истолкование всех действий Цезаря как стремления к царствованию превысило все, что было до того. Любой поступок Цезаря немедленно объяснялся оппозиционной пропагандой именно с этой точки зрения. Все мероприятия диктатора становились в глазах врагов доказательством его личных амбиций. Даже давно назревшая реформа календаря стала поводом для обвинений: смена времени года, по словам Цицерона, происходила «по указу» (Plut. Caes. 59).

Правда, действия Цезаря или его сторонников часто давали повод подозревать его в стремлении стать царем. Появление на свет пророчества Сивиллы, что только царь может покорить Парфию, публичные приветствия в качестве царя, увенчивание венками статуй Цезаря – это лишь некоторые действия, когда на глазах общественности демонстрировались претензии (мнимые или реальные) на корону¹⁹. Все эти сцены разыгрывались на глазах у народа и немедленно подхватывались пропагандой заговорщиков. Особенно однозначно интерпретировались действия Цезаря, нарушавшие римские традиции.

Сравнительный анализ данных источников позволяет выделить несколько поступков Цезаря, вызвавших наибольшее возмущение против него.

1. Оскорбительный прием сенаторов, которых он принял сидя.
2. Публичные угрозы народным трибунам Эпидию Маруллу и Цезетию Флаву.
3. Возложение на голову Цезаря (или головы его статуи) золотой диадемы, свидетельствующей о стремлении к царскому титулу²⁰.

Однако интерпретация античными историками одних и тех же фактов существенным образом отличается друг от друга. В. М. Смирин выделил две тенденции: традиционный рассказ (Плутарх, Аппиан, Светоний), восходящий, по мнению исследователя, к «политической агитации противников Цезаря», и цезарианскую версию событий (Николай Дамаский и в меньшей степени – Веллей Патеркул). Целью противников Цезаря было доказательство тиранической сущности власти Цезаря и всех его поступков. В то же время цезарианские авторы рисуют иную картину: Цезарь не стремится к единовластию, его поступки, противоречащие республиканским традициям, – не более чем недоразумение²¹.

Из сообщений источников можно выделить еще одно выигрышное направление пропаганды республиканцев – игра на чувстве патриотизма. Вероятно, по замыслам заговорщиков слух о стремлении Цезаря перенести столицу в Александрию должен был вызвать недовольство диктатором и в среде плебса, и среди италиков (Suet. Caes. 79.3; Nic. Dam. 20. 68).

Каковы же результаты пропагандистской кампании республиканцев? Аппиан, Кассий Дион, Плутарх, Светоний представляют события так, будто недовольство Цезарем охватило широкие общественные слои. По словам Светония, там, где

«раньше встречались два-три человека, теперь все слились воедино. Уже и народ не был рад положению в государстве» (Suet. Caes. 80.1).

Примером того, как вербовались сторонники убийства Цезаря, может служить целая кампания по психологической обработке Марка Брута. Надписи на статуях древнего героя Л. Юния Брута (предполагаемого предка Марка Брута, участвовавшего в низвержении последнего римского царя Тарквиния Гордого), на его судейском кресле, частные письма Цицерона, подметные листовки, задушевные беседы друга и коллеги по должности Гая Кассия – вот тот далеко неполный арсенал средств, использованных для вовлечения его в заговор (Plut. Brut. 9, Caes. 62; App. В.С. II. 113.471; Suet. Iul. 80.3; Dio Cass. XLIV. 12).

Плутарх, Аппиан, Кассий Дион так же, как и Светоний, показывают, будто весь народ выражал недовольство действиями Цезаря и побуждал Брута к убийству диктатора²². Вероятно, следуя этой античной традиции, некоторые современные исследователи и отметили факт падения авторитета Цезаря накануне убийства²³. Однако большинство историков придерживается прямо противоположной точки зрения²⁴.

Действительно, что это был за «народ», поддерживавший заговорщиков? Тот же Аппиан, говоря об инициативах со стороны народа, в следующем параграфе приводит слова Г. Кассия, обращенные к М. Бруту: «Кто списывает твое судейское кресло надписями: лавочники, ремесленники или же... благородные римляне?» (App. В.С. II. 113.472), тем самым уточняя, что под понятием «народ» он не имеет в виду плебс. Плутарх в качестве авторов надписей на кресле и статуях Брута называет людей, «стремившихся к государственному перевороту» (Plut. Caes. 62). Веллей Патеркул изображает события не как всеобщее восстание, а как заговор кучки людей, руководствовавшихся личными мотивами (Vell. Pat. II. 56. 3). Но если Аппиан и Плутарх просто противоречиво изображают отношение народа к убийству Цезаря, то Николай Дамасский совершенно однозначно говорит о всенародной поддержке диктатора²⁵.

Учитывая вышесказанное, можно согласиться с мнением В. М. Смирин, считавшего, что понятие «народа» в традиционной версии событий не несло конкретного содержания и являлось составной частью двучленной формулы «*senatus populusque Romanus*»²⁶. Заговорщики принадлежали к высшим слоям римского общества, а их пропаганда адресовалась рядовым представителям народа и имела целью убедить население в том, что Цезарь был убит справедливо, т. е. оправдание заговора. Однако сообщения источников все же позволяют заключить, что в период подготовки заговора Цезарь оставался популярен в народной среде.

Античная традиция оставила много объяснений причин убийства Цезаря и мотивов действий заговорщиков. Планы убийц и их республиканская фразеология позволяют выделить главную цель:

восстановление государственного строя, бывшего при предках. Стремление во что бы то ни стало вовлечь в заговор Брута как символ ниспровержения царского строя подтверждает эту мысль²⁷. Современная историография, соглашаясь с античными версиями, предложила ряд других. Так, Ф. Гретер писал, что это была борьба фамилий за власть²⁸. Н. Хорсфол утверждал, что заговорщиков толкал на убийство страх разоблачения²⁹. Г. Ферреро в соответствии со своей теорией о стремлении Цезаря создать империю после победоносного восточного похода утверждал, что заговорщики стремились воспрепятствовать экспедиции против Парфии и тем самым предотвратить введение монархии³⁰. Г. Бенгтсон, предостерегая от модернистских интерпретаций, указал, что «планы заговорщиков покрыты густым туманом»³¹.

На то, что заговорщики не имели ясных планов своих действий, указал еще Цицерон – *acta enim illa res est, animo virili, consilio puerili* (Cic. Ad Att. XIV. 21.3. Ср.: Ad fam. XI. 1.3). Они просто уверовали, что положение Цезаря в общественном мнении достигло минимальной отметки и что их поддержат многие сенаторы. Во многом этой ошибке они обязаны себе. Безусловно, у заговорщиков, благодаря шумной пропагандистской кампании были основания надеяться, что их план удастся и они получат поддержку. Ц. Явец в этой связи справедливо отметил, что убийцы пали жертвой собственной пропаганды³².

Заключая разбор основных направлений и средств пропаганды оппонентов Цезаря, следует прежде всего отметить, что в период 45–44 гг. до н. э. идеологическая конфронтация достигла небывалых высот. Цезарь, его сторонники, «республиканцы» широко использовали весь спектр средств воздействия на общественное мнение. В ходе борьбы за власть постепенно сформировались две политические группировки, обозначаемые в современной исследовательской литературе как «республиканцы» и «цезарианцы». Победе Цезаря над Помпеем и его сторонниками в 49–45 гг. до н. э. в значительной степени способствовала политическая пропаганда, выдвинувшая более многочисленные, более весомые и значимые для римлян лозунги. Однако разгромленной сенатской оппозиции, лишенной возможности реально направлять политику Рима, удалось объединиться и выдвинуть политический лозунг восстановления государственного строя, освященного обычаями предков. Благодаря целой программе активных действий они смогли получить поддержку большого количества сенаторов и реализовать план убийства диктатора. Методы политической пропаганды, избранные ими, отличались от методов Цезаря. Обратившись к словесной спекуляции, распространению ложных слухов, клеветнических памфлетов, заговорщики способствовали некоторому падению престижа Цезаря, но падение это было временным и незначительным. Затронув только верхние слои общества, пропаганда заговорщиков

оказалась бессильной повредить имиджу Цезаря в глазах широкой общественности. Таким образом, можно заключить, что методы пропаганды, избранные помпеянами, оказались малоэффективными.

Примечания

- ¹ См.: Meyer Ed. *Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius*. Berlin, 1922. S. 530 ff.; Моммзен Т. История Рима : в 5 т. М., 1941. Т. 3. С. 389 и сл.; Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1976. С. 324 и сл.
- ² RG. I.3., XII.1; App. B.C. IV. 2.6; Dio Cass. XLVI. 55.3. Или, как назвал триумвират Веллей Патеркул, «союз во имя власти» (Vell. Pat. II. 65.2).
- ³ Dickinson G. *Death of Republic. Politic and political thought at Rome 59 – 44 B. C.* N. Y. ; L., 1963. P. 257–259.
- ⁴ Межерицкий Я. Ю. «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.; Калуга, 1994. С. 120.
- ⁵ См.: Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 81; Бартошек М. Римское право. Понятия. Термины. Определения / пер. с чеш. З. М. Черниловской. М., 1989. С. 423. Я. Ю. Межерицкий даже утверждает, что современное понятие «республики» утвердилось только со времени Великой французской революции 1789 г. (Межерицкий Я. Ю. Указ. соч. С. 11).
- ⁶ См.: Кнабе Г. С. Метафизика Тесноты. Римская империя и проблемы отчуждения // Вестник древней истории. 1997. № 3. С. 67. По мнению исследователя, понятия «империя» и «республика» (как определенный государственный строй), их соотношение между собой стали сознаваться уже в конце I в. до н. э. Интересны в этой связи слова Цезаря, которые приводит Т. Аттий, что «республика – ничто, пустое имя без тела и облика» (Suet. Iul. 77).
- ⁷ Cic. Ad fam. X. 3.4; App. B.C. II. 122.513–514. Главным образом отмечается, что свергли тирана, правившего путем насилия, примером чего является изгнание народных трибунов – Цезетия и Маруллы. См.: Meyer Ed. Op. cit. S. 530 ff.
- ⁸ Он сам говорит об этом: Cic. Ad fam. X. 28.1, XII. 4.1. См.: Мотус А. А. Цицерон и Саллюстий в их отношении к гражданским войнам Древнего Рима (I в. до н.э.) // Античный мир и археология. 1983. Вып. 5. С. 33–46. С. 39.
- ⁹ Dio Cass. XLIV. 20.4. Об этом писал и Цицерон (Cic. Phil. II. 12. 28).
- ¹⁰ Cic. Ad Att. XV. 4.2. См. также: Борухович В. Г. Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время. Саратов, 1993. С. 91; Грималь П. Цицерон / пер. с фр. Г. С. Кнабе, Р. Б. Сашиной. М., 1991. С. 424 и сл.
- ¹¹ Cic. Off. II.3. Ср.: Off. II.29. Ad Fam. VI. 2.2, XI. 27.6. См. также: Межерицкий Я. Ю. Указ. соч. С. 124.
- ¹² Ахиев С. Н. *Clementia Caesaris* : сущность, причины, цели // Античный мир и археология. Саратов, 2002. Вып. 11. С. 71–80.
- ¹³ Suet. Iul. 45.2, 49.1–4, 52.1. Впрочем, следует отметить, что иногда трудно и даже невозможно судить о времени возникновения этих слухов.
- ¹⁴ Suet. Iul. 73.1, 51.1, 49.4, 75.5. Рассказ Светония о «клеветнической книжке» А. Лициния Цецины находит подтверждение в переписке Цицерона. В одном из писем к Цецине упоминается «Книга сетований», в которой содержались нападки на Цезаря (Cic. Ad Fam. VI. 6. 9).
- ¹⁵ Allport G. W., Postman L. *The basic Psychology of Rumor in Public Opinion and Propaganda*. N.Y., 1954. P. 194–196.
- ¹⁶ Назначение его пожизненным диктатором, предоставление ему 10-летнего консульства (от которого он, впрочем, отказался), золотой трон, переименование месяца квинтилия, статуи среди статуй богов и т. п. См.: App. B.C. II. 106–107.440–448; Plut. Caes. 57; Suet. Caes. 76.1.
- ¹⁷ Yavetz Z. *Julius Caesar and his public image*. L., 1983. P. 204. И. В. Нетушил считал, что единственным отступлением Цезаря от старины было право рекомендации части кандидатов на выборные должности (Нетушил И. В. Обзор Римской истории. Харьков, 1916. С. 187).
- ¹⁸ Syme R. *The roman revolution*. Oxford, 1939. P. 55. Ср.: Rawson E. *Caesar's Heritage : Hellenistic Kings and their Roman Equals*. // JRS. 1975. Vol. 65. P. 157.
- ¹⁹ Dio Cass. XLIV. 15; Plut. Caes. 60; Suet. Caes. 79.1–2. Аппиан уточняет, что Цезарю предлагали называться царем только вне Италии, а в Риме – диктатором и императором (App. B.C. II. 110.461). С. Вайншток считает, что пророчество было подлинным, и Цезарь действительно хотел использовать этот титул в завоевательной политике на Востоке (Weinstock S. *Divus Iulius*. Oxford, 1971. P. 340 f.). Э. Роусон отмечает в этой связи, что нужды в титуле не было, так как римские высшие магистраты в I в. до н. э. в сознании жителей Востока автоматически приравнивались к царям (Rawson E. Op. cit. P. 155–158).
- ²⁰ Suet. Iul. 79.1–2, 80.3; Plut. Caes. 60–61; App. B.C. II. 108.449–453; Liv. ep. 116; Dio Cass. XLIV. 3–11; Vell. Pat. II. 56.3.
- ²¹ Смирин В. М. К вопросу об освещении в античной историографии событий, предшествовавших заговору против Цезаря // ВДИ. 1957. № 1. С. 123–127. Исследователь, в частности, отметил, что тенденция традиционного рассказа находит подтверждение в переписке Цицерона и в конечном итоге восходит к пропаганде республиканцев, оправдывавшей убийство диктатора.
- ²² Ср.: «Брут был подстрекаем со стороны народа» (App. B.C. II. 112.469); «народ обратил свои надежды на М. Брута» (Plut. Caes. 62); «народ воображал, что Брута можно будет подтолкнуть на подобные деяния» (Dio Cass. XLIV. 12). О столах всего «народа» во время эпизода на Луперкалиях писал и Цицерон (Cic. Phil. II. 34. 85–86).
- ²³ См. например: Игнаткович И. Гай Юлий Цезарь. М., 1940. С. 85; Дуров В. С. Юлий Цезарь : человек и писатель. Л., 1991. С. 129.
- ²⁴ Так, Г. Ферреро писал, что заговорщики были уверены в «верности Цезарю армии и простого народа, воодушевление которого возрастало со дня на день» (Ферреро Г. Величие и падение Рима / пер. с итал. М., 1916–1925. Т. 2. С. 315). О том, что заговор возник безотносительно к мнению народа см.: Момм-

зен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 389 и сл.; *Нетушил И. В.* Указ. соч. С. 190; *Ростовцев М. И.* Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 75; *Утченко С. Л.* Древний Рим. С. 178; *Taylor L. R.* Party politics in the Age of Caesar. Berkeley : University of California Press, 1949. P. 175.

²⁵ Николай Дамасский отмечает, что толпа взирала на Цезаря с восхищением, что было тягостно для «влиятельных людей» (Nic. Dam. 19. 64). Эпизод с возложением диадемы во время Луперкалий в изложении Николая Дамасского существенно отличается от других источников. По его словам, отклонение Цезарем диадемы вызвало аплодисменты лишь «стоявших с краю», а остальные требовали принять ее (21. 72. Ср.: 20.70).

²⁶ *Смирин В. М.* Указ. соч. С. 125.

²⁷ *Грималь П.* Указ. соч. С. 411. Римляне вообще придавали огромное значение древним фамильным преданиям. Так, во время Африканской кампании Цезарь, узнав об оракуле, гласящем, что роду Сципионов всегда суждено побеждать в Африке, формально возложил

главнокомандование на некоего Сципиона Саллютиона, ничтожного и бездарного человека (Plut. Caes. 52; Suet. Iul. 59; Dio Cass. XLII. 58). См. также: *Gelzer M.* Der Politiker und Staatsmann. Wiesbaden, 1983. S. 245.

²⁸ *Grater F. D.* Über Caesars Ermordung und Ciceros Aussicht derselben. Zürich, 1920. S. 13.

²⁹ *Horsfall N.* The Ides of March. Some new problems // Greece & Rome. 1974. Vol. 21. P. 191.

³⁰ *Феррепо Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 314.

³¹ *Bengtson H.* Zur Geschichte des Marcus Brutus München. 1970. S. 18. Ср.: *Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. С. 324–326.

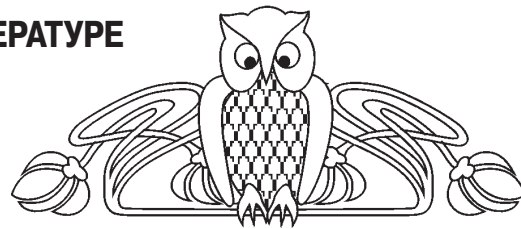
³² *Yavetz Z.* Op. cit. P. 194–195. Ср.: *Феррепо Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 315; *Шифман И. Ш.* Цезарь Август. Л., 1990. С. 30. Как подчеркнул В. Г. Борухович, «вожди заговора плохо представляли последствия своего террористического акта» (см.: *Борухович В. Г.* После мартовских ид 44 г. до н. э. (ист. очерк) // АМА. Саратов, 1983. Вып. 5. С. 124 и сл.).

УДК 94(44).015+94(44).017+ 94(44).021

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ В КАРОЛИНГСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА IX–X ВЕКОВ

И. Д. Гайворонский

Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: igorgaiv91@gmail.com

Автор статьи анализирует содержание и истоки представлений об идеальном правителе в период распада каролингского мира на отдельные королевства в конце IX–X веков. На материале повествовательных источников автор рассматривает эволюцию образов власти, доказывая зависимость их происхождения от происшедших в каролингском мире событий и предшествующей письменной традиции.

Ключевые слова: образ власти, Каролинги, анналы, Мегинхард, Карл Толстый, Регинон Прюмский, Рихер Реймский.

Images of Power in the Carolingian Literature of the IX–X Centuries

I. D. Guyvoronskiy

The article offers the analysis of the contents and sources of ideal ruler's images during the disintegration of the Carolingian world into distinct kingdoms at the end of the IX–X centuries. Based on the material of the narrative sources, the author considers the evolution of images of power, proving the dependence of their origin on the events occurring in the Carolingian world and of the previous written tradition.

Key words: image of power, Carolingians, annals, Meginhardus, Charles the Gross, Reginon of Prum, Richer of Reims.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-170-176

Эпоха Каролингов – это не только период складывания системы власти, ставшей фундаментом средневековой модели отношений между государем и подданными, но и время конструирования франкскими авторами образов власти. На стра-

ницах различных повествовательных источников каролингские писатели создавали либо портреты современных им монархов, либо абстрактные образы идеальных правителей. Однако в обоих случаях авторы источников отражали актуальные в их время представления о власти.

Примерно до второй половины XX века историки не рассматривали образы власти каролингской эпохи, предпочитая изучение политических и правовых институтов монархии Каролингов (XIX – начало XX в.)¹, проблемы взаимоотношения короля и знати, а также ритуально-коронационные аспекты (первая половина – середина XX в.)². Первые попытки рассмотрения идей власти в каролингский период были предприняты В. Бергесом и Х. Х. Антоном, однако данные специалисты предпочли сконцентрироваться на изучении источников одного жанра – княжеских зеркал (Fuhrstenspiegel), не затрагивая других нарративных документов³. Современный подход к проблеме репрезентации власти в Каролингскую эпоху учел достижения социальной антропологии и новой социальной истории: Д. Козиоль и И. Гарипжанов предложили рассматривать не создаваемый раннесредневековой литературой образ власти как таковой, а описанные в них конкретные ритуалы власти, а также семиотический материал, «символический язык власти»⁴. И. Гарипжанов оказался наиболее радикален в этом вопросе, высказав мысль о «вторичности» повествовательных памятников по отношению к юридическим, актовым и нумизма-